

Натали Веспер

Архитектор счастья



Натали Веспер

Архитектор счастья

«Литнет»

2026

Веспер Н.

Архитектор счастья / Н. Веспер — «Литнет», 2026

Московский архитектор Александр Ковалёв приезжает в родное село, чтобы построить элитный посёлок. Но вместо инвесторов и чётких контрактов его встречают гнилой синий мостик, гусь-террорист по имени Коля и Агата — девушка, в которую он был влюблён пятнадцать лет назад. Чтобы получить землю, Сане нужно найти ключ от холодильника-сейфа, который пять лет ищет всё село, подружиться с участковым, который безответно любит Агату, и не быть съеденным гусём. А ещё — понять, почему его элитный проект на самом деле стоит десять мешков картошки, а настоящая любовь хранится в банке из-под солёных огурцов. Романтическая комедия о том, как небоскрёбы проигрывают гнилому мостику, а настоящая любовь выдерживает и рассол, и пятнадцать лет молчания.

© Веспер Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. (Не)добро пожаловать домой	9
Глава 2. Тот самый мостик	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Пролог

Если бы кто-то сказал Сане Ковалёву, что этот рассвет он запомнит на всю жизнь, он бы, наверное, послал этого кого-то в известном направлении. Потому что запоминать тут было нечего: холодная вода, гнилой мостик, проклятия рыбаков и синяя краска, которая въелась в его новые туфли так, будто собиралась остаться там навсегда.

Туфли, кстати, были почти новые. Мама отдала за них последние пять тысяч - огромные деньги по тем временам. В Москве такие, наверное, стоили все двадцать, но в Задрищенске и пять тысяч было перебором. «На выпускной, — сказала мама. — Чтобы люди не думали, что мы нищие». Саня тогда подумал, что люди и так знают, что они нищие, но спорить не стал.

И вот теперь синяя краска. Отковыривается плохо. Въелась. Как всё в этом чёртовом селе. — Сань, ты чего такой кислый? — спросила Агата, болтая ногами в воде.

Она сидела рядом, на том же гнилом мостике, и, в отличие от него, выглядела так, будто ей было абсолютно всё равно на туфли, краску и весь остальной мир. На ней было Валькино свадебное платье, а под ним выцветшие джинсы. Выпускной наряд. Класс.

— Туфли испортил, — буркнул Саня, продолжая скрести ногтем по синей кляксе. — Мать убьёт.

— А зачем ты в туфлях на мостик полез?

— А где мне ещё их пачкать? На танцах я уже наступил в чью-то жвачку. Три раза.

Агата хмыкнула. Это был не смех — так, лёгкое движение губ, которое означало: «Сам дурак, но я тебе этого не скажу, потому что мы вроде как друзья».

Они дружили с первого класса. Дружили — это, конечно, громко сказано. Скорее, терпели друг друга, потому что в Задрищенске выбор был невелик: или ты дружишь с тем, кто живёт через два дома, или ты дружишь с гусём. А гусь, как показала практика, друг так себе — клюётся.

— Слушай, — сказала Агата, глядя на восток, где небо уже начинало светлеть. — А чего ты вообще на мостик полез? Все уже разошлись. Танцы кончились. Дискотека кончилась. Даже учителя ушли. А ты сидишь тут, туфли трёшь.

— А ты? — парировал Саня. — Ты-то чего не ушла?

— А мне нравится, — просто сказала она. — Сидеть. Ногами болтать. Смотреть, как солнце встаёт.

— Романтик, — фыркнул Саня.

— Дурак, — ответила Агата.

Наступила тишина. Неловкая такая, какая бывает только между людьми, которые знают друг друга слишком долго, чтобы говорить о важном, но недостаточно долго, чтобы молчать о нём.

На том берегу завозились рыбаки. Дядя Витя и дядя Коля — местные легенды, которые, казалось, вообще никогда не спали. Они сидели в своей лодке с удочками и, судя по всему, уже успели выпить. Несколько раз.

Дурацкий выпускной, дурацкие туфли, дурацкий мостик, который они выкрасили в синий, потому что кто-то сказал, что так будет «прикольно». А получилось как всегда — криво, нелепо, и теперь дяде Вите с дядей Колей есть что вспоминать следующие десять лет.

— Сань, — сказала Агата, когда прошло минут пять.

— М?

— А завтра ты уезжаешь?

— Ага. Поезд в семь.

— В семь утра?

— В семь.

— А ты успеешь?

— Успею. Я уже собрался. Рюкзак у бабушки. Документы в кармане. Билет в другом кармане.

— А туфли?

— Что туфли?

— Ты в них поедешь? В синих?

Саня посмотрел на свои туфли. Они были синими. Не везде, но так, что сразу бросалось в глаза.

— Не знаю, — сказал он. — Может, сойдёт за дизайнерское.

— За дизайнерское? — усмехнулась Агата. — В Задрищенске?

— В Москве не будут знать, откуда я. Скажу, что так и надо.

— А если спросят?

— Скажу, что это краска. Которая не смывается. Как память о детстве.

— О детстве, — повторила Агата. — И что ты будешь помнить?

— Не знаю, — честно сказал Саня. — Может, этот мостик. Может, рыбаков. Может, тебя.

Она не ответила. Сидела, смотрела на воду, болтала ногами. Её джинсы уже намокли, но ей, кажется, было всё равно.

— Агат, — сказал Саня.

— М?

— А ты... ты будешь скучать?

Она повернулась к нему. В её глазах, в свете начинающегося рассвета, он увидел что-то такое, чего не замечал раньше. Или замечал, но не придавал значения.

— Буду, — сказала она. — А ты?

— И я.

Они замолчали. Саня чувствовал, что должен сказать что-то ещё. Что-то важное. То, что вертелось на языке весь этот год, а может, и дольше. Но слова не шли. Или шли, но он их боялся.

— Сань, — сказала Агата.

— М?

— Ты когда-нибудь вернёшься?

— Вернусь, — сказал он, не думая. — Обязательно.

— Когда?

— Не знаю. Но вернусь.

— А если не вернёшься?

— Вернусь, — повторил он. — Честное слово.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом кивнула, будто проверяла что-то для себя.

— Ладно, — сказала она. — Вернёшься — вернёшься. А не вернёшься — я сама приеду. В Москву. Найду тебя. И туфли твои синие покажу. Всем. Чтобы знали, какой ты был дурак.

— Я не дурак, — сказал Саня.

— Дурак, — твёрдо сказала Агата. — Самый большой дурак в Задрищенске.

— А почему?

— Потому что сидишь тут, туфли трёшь, а надо бы... — Она запнулась.

— Что?

— Неважно.

Она отвернулась к реке. Солнце уже показалось из-за горизонта — сначала краешек, потом полдиска. Вода заискрилась, заиграла золотом. На том берегу дядя Витя закурил. Дядя Коля что-то сказал, и они оба засмеялись.

— Агат, — сказал Саня.

— М?

— Можно я тебе кое-что скажу?

— Говори.

Он посмотрел на неё. На её выгоревшие волосы, на футболку с динозавром, на джинсы с дыркой, на руки, такие же синие, как у него. И понял, что не может. Или может, но не сейчас. Или сейчас, но не здесь.

— Ты... — начал он.

— Агата! — заорал вдруг дядя Витя с того берега. — Агата, ты там? Мостик-то трещит! Слезайте, пока не рухнул!

Они посмотрели вниз. Доски, на которых они сидели, жалобно скрипели. Не то чтобы прямо сейчас готовы были провалиться, но выглядели они не очень.

— Ладно, — сказала Агата, вставая. — Пойдём. А то бабушка ругаться будет.

Она встала, отряхнула джинсы. Саня тоже встал. Они стояли на мостике, смотрели друг на друга, и солнце светило им в спины.

— Сань, — сказала Агата.

— М?

— Ты это... в Москве не пропади. Пиши. Звони. В гости приезжай. Или я приеду.

— Хорошо, — сказал он. — Обязательно.

Она кивнула. Потом наклонилась, сняла с ноги кроссовок, вылила из него воду, надела обратно.

— Всё, — сказала она. — Пойду. А то бабушка убьёт. Она вчера сказала, что если я не приду до рассвета, то закроет дверь.

— А ты?

— А я через окно залезу. Она всегда забывает закрыть. Спит.

Она пошла по тропинке. Саня стоял, смотрел ей вслед. Его туфли скрипели на гравии, синяя краска на пальцах уже начинала сохнуть.

— Агата! — крикнул он.

Она обернулась.

— Что?

— Я... — Он запнулся. — Я тебе... позвоню. Когда приеду.

— Позвони, — сказала она. — И туфли почисть. А то в Москве засмеют.

Она улыбнулась. Той самой улыбкой, которая потом будет сниться ему пятнадцать лет. И ушла. Не оглядываясь.

Саня остался один. На мостике. С синими туфлями. С синими руками. С чувством, что он только что упустил что-то очень важное.

— Дурак, — сказал он себе.

— Дурак, — согласился дядя Витя с того берега. — Иди уже, дурак. А то поезд пропустишь.

Саня вздохнул, развернулся и пошёл. Туфли скрипели. Краска на пальцах трескалась. Где-то за спиной вставало солнце, которое он, наверное, запомнит на всю жизнь.

На том берегу дядя Витя смотрел ему вслед, покачивая головой.

— Дурак, — сказал он.

— Кто? — спросил дядя Коля.

— Оба, — сказал дядя Витя. — Оба дураки.

— А она чего ждала? — спросил дядя Коля.

— А кто ж её знает. Может, слов. Может, глупости. Может, просто так. Молодые — они все дураки.

— А мы? — спросил дядя Коля.

— А мы — рыбаки, — сказал дядя Витя. — Мы умные. Мы на рассвете рыбу ловим. А не в любовь играем.

Он закинул удочку. Поплавок качнулся на воде. На том берегу уже никого не было.
Только синий мостик, который они никогда больше не увидят таким, как сейчас.
Или увидят. Через пятнадцать лет.
Но это уже другая история.

Глава 1. (Не)добро пожаловать домой

Пятнадцать лет спустя

Джип застрял в гусеке.

Нет, это звучало не так, как хотелось бы. Гусь, если что, был жив. Более того — гусь был зол. Очень зол. Он стоял посреди просёлочной дороги, раскинув крылья, и смотрел на сияющий чёрный внедорожник так, будто это лично Александр Павлович Ковалёв, успешный московский архитектор, собственноручно склевал его жену.

— Пошёл вон, — сказал Саня, нажимая на клаксон.

Гусь не пошёл вон. Гусь сделал шаг вперёд.

— Это что за ерунда? — пробормотал Саня, глядя на навигатор. Тот показывал, что до конечной точки маршрута — село Задрищенск, административный центр которого находился где-то между «забудь» и «и не вспоминай» — оставалось три километра. Три километра гусиной оккупации.

Он вышел из машины. Кроссовки «Гуччи» — прости господи, зачем он их вообще купил — тут же утонули в чём-то мягком и подозрительно тёплом. Дорога представляла собой не асфальт, а месиво из глины, прошлогодних листьев и того, о чём лучше не думать.

— Эй! — крикнул Саня в сторону единственного дома на горизонте. — Это чей гусь?

Дом молчал. Гусь тоже молчал, но его молчание было угрожающим.

— Я вас застрелю! — крикнул Саня для острастки. Пистолета у него, разумеется, не было, но гусь об этом не знал.

Дверь дома скрипнула. Из неё вышла женщина.

Саня не узнал её сначала. Ну как можно было узнать? Пятнадцать лет — это срок. Пятнадцать лет назад она носила косички и джинсы с дыркой на коленке, которую сама же и протерла, лазая по деревьям. Сейчас на ней был странный вязаный кардиган всех цветов радуги — будто радуга переблевала овцу, — резиновые сапоги в крупный горох и широкие штаны, какие носят буддистские монахи, если у них выходной.

— Гусь убери, — сказал Саня тоном человека, привыкшего, чтобы его слушались.

Женщина посмотрела на гуся. Потом на Саню. Потом на джип. Потом снова на Саню.

— Коля, фас, — сказала она спокойно.

Гусь по имени Коля радостно зашипел и рванул к Сане. Саня, забыв про все свои московские регалии, взвизгнул и запрыгнул на капот.

Женщина рассмеялась.

И тут он узнал этот смех. Так смеяться умела только одна девчонка на свете — взхлёб, с присвистом, до колик. Так смеялась Агата, когда он в детстве упал с велосипеда и приземлился прямо в крапиву. Так смеялась Агата, когда они украли у рыбака дядя Вити червей и выпустили их в церкви.

— Агата? — выдавил он, сидя на капоте собственного джипа и пытаясь сохранить достоинство.

— Саня? — Она вытерла слёзы смеха. — А ты чего на машину залез? Слазь, Коля не кусается. Почти.

— Что значит «почти»?!

— Ну, однажды он откусил палец почтальону. Но тот сам виноват, лез не туда. Слазь, говорю.

— Почтальону... - глаза Сани стали по пять копеек Российской империи. На что Агата хмыкнула и добавила

— Ну не прям откусил. Клацнул. А пальца у того уже не было, но это знают не все в деревня, поэтому страшилка такая существует для местной детворы. Ладно, герой, слазь с капота.

Саня слез. Гусь Коля, убедившись в своей победе, гордо удалился в кусты. Навигатор, будто издеваясь, сообщил: «*Вы прибыли*».

— Ты... — Саня запнулся. — Ты здесь живёшь?

— А ты зачем приехал? — ответила Агата вопросом на вопрос. — Я слышала, какой-то московский мажор хочет купить землю под посёлок. Неужели это ты?

— Я не мажор, — обиделся Саня. — Я архитектор. У меня своё бюро.

— Ага. И гуся испугался. Пойдём, — она развернулась и пошла к дому, даже не обернувшись. — Бабушка чай заварила. Только ты это... туфли вытри. У нас ковёр персидский.

Ковёр персидский оказался тряпкой с надписью «Мурманск — привет!», которая лежала прямо у входа.

В доме пахло пирогами, старыми книгами и чем-то ещё, что Саня не мог определить. Может быть, детством. Может быть, тем, чего ему так не хватало все эти пятнадцать лет в стеклянно-бетонных джунглях.

Из кухни выглянула бабушка. Маленькая, сморщенная, с пронзительными голубыми глазами — такими же, как у Агаты.

— Это кто? — спросила бабушка.

— Саша, — представился Саня. — Я... ну, мы раньше...

— А, Санька-поганька, — кивнула бабушка. — Тот самый, который на рассвете сбежал. Проходи, чего встал. Только хлеб не ешь, он свежий. Агата, дай ему вчерашний, свежий для нас и деда Митяя.

— Деда Митяя нет уже пять лет, бабушка, — вздохнула Агата.

— Ну и что? А вдруг придёт?

Саня сел на табуретку, которая немедленно жалобно скрипнула. Он огляделся: выцветшие занавески, печка, на которой дрых рыжий кот размером с небольшого барсука, и стопка газет "ЗОЖ" за последние тридцать лет. Это вам не по тик-токам и инстаграму лечиться, это знания всех пенсионеров страны, где пищевая сода и уксус выведут все шлаки из организма, а скелет обновится до заводских настроек. Ну а если, что пошло не так, то они на могиле Сталина готовы поклясться, что значит, это была порча, вариантов больше нет.

— Ты серьёзно хочешь строить здесь коттеджи? — спросила Агата, ставя перед ним кружку с мутным чаем (заварка была явно четвёртая).

— Не коттеджи, — поправил Саня, чувствуя себя идиотом. — Элитный посёлок. С прудом, парком и...

— С гусями?

— Гусей я депортирую.

Бабушка фыркнула из-за печки:

— Ты сначала Колю депортируй. Он тебя самого депортирует, огрызок городской.

Агата села напротив. Без косы, без дырки на коленке, но с тем же самым взглядом — насмешливым и тёплым одновременно. Саня почувствовал, как в груди что-то сжалось. Или, может быть, разжалось. Он не понял.

— А где твои... — он запнулся. — Ну, родители?

— В городе. Давно. Я с бабушкой осталась. Пятнадцать лет назад, если помнишь, — она посмотрела на него в упор. — Ты тогда быстро уехал. Даже не попрощался.

— Я... — Саня почувствовал, что краснеет. Он, мать его, архитектор, лауреат премии «Лучший проект года», краснел как школьник. — Мне нужно было. Учёба. Потом работа.

— Ну да, ну да, — Агата отхлебнула чай. — А у меня здесь бабушка. И гусь. И рыбаки, которые тебя до сих пор помнят. Ты тогда им всех червей высыпал.

— Это была последняя шалость, — тихо сказал Саня. — Дозволенная нам.

Повисла тишина. Кот пошевелил ухом. Бабушка за печкой засопела — кажется, уснула.

Агата вдруг улыбнулась — не насмешливо, а по-настоящему.

— Помнишь наш мостик? Гнилой, у реки?

— Помню.

— Он до сих пор там. И до сих пор гнилой. Только синей краски уже почти не осталось.

Саня допил чай. Он не знал, зачем приехал. Чтобы купить землю. Чтобы построить посёлок. Чтобы забыть московскую невесту, которая ушла к владельцу яхты.

После чая Саня решил, что пора действовать. Он не мог сидеть сложа руки, пока где-то в райцентре решалась судьба его проекта.

— Мне нужно съездить в район, — сказал он. — В администрацию. Поговорить с главой, узнать, как здесь всё устроено.

— На чём? — спросила Агата.

— На машине. Она завелась, пока я чай пил.

— Не завелась, — сказала Агата. — Я проверяла. Аккумулятор сдох.

— Как — сдох?

— А вот так. Сел. Умер. Не дышит.

Саня посмотрел в окно. Джип стоял на том же месте, где и оставили, но теперь казался не роскошным внедорожником, а грудой металлолома.

— А пешком? — спросил он.

— Пятнадцать километров. Туда и обратно. Тридцать. — Агата усмехнулась. — Успеешь к ужину, если не собьют.

— Кто собьёт?

— Коровы. Или гуси. Или Петрович на своей машине. Он не любит, когда по дороге ходят. Говорит, что это мешает движению.

— Какому движению? Здесь же никого нет!

— А он всё равно не любит. Принцип.

В итоге Саню подвёз до райцентра дядя Витя на своей «Ниве». Ехали час, потому что дядя Витя считал, что «быстро — это когда есть куда спешить, а у нас нет». По пути он рассказывал про рыбу, про погоду и про то, как в прошлом году у него украли удочку.

— И нашли? — спросил Саня, чтобы поддержать разговор.

— А кто ж её искал? — удивился дядя Витя. — Новая купил. Эта лучше. Старая всё равно кривая была.

Райцентр оказался городком, который когда-то был большим, а потом уменьшился. Двухэтажные дома с облупившейся штукатуркой, пустые витрины магазинов, и только администрация — трёхэтажное здание из белого кирпича — выглядела прилично. Над входом висел герб района: лось, почему-то с гармошкой.

Внутри было прохладно и пахло пылью. На первом этаже сидела женщина с огромными очками и вязала.

— Мне нужен глава района, — сказал Саня.

— Геннадий Сергеич? — Женщина подняла голову. — А вы по какому вопросу?

— По земельному. Усадьба Кукина, село Задрищенск.

— Кукина? — переспросила она. — Это который миллионер?

— Он самый.

Женщина отложила вязание и посмотрела на него с интересом.

— А вы кто?

— Архитектор. Хочу выкупить землю. Строить посёлок.

— А документы у вас есть?

— Пока нет, — признался Саня. — Но я хочу их оформить.

— Документы на землю Кукина — это отдельная песня, — вздохнула женщина. — Вы знаете, где они хранятся?

— В селпо, кажется.

— В холодильнике, — кивнула она. — Который не открывается уже пять лет. Потому что ключ потеряли.

— А кто его потерял?

— А кто ж его знает. Может, Кукин. Может, Зина. Может, дед Митяй. Говорят, он последний ключ видел. А потом потерял. Или выпил. Или рыбам скормил.

Саня почувствовал, как его надежда на быстрое решение начинает таять.

— А как же мне получить документы?

— Никак, — просто сказала женщина. — Пока ключ не найдут — документы не достать. А без документов — земля не ваша. А без земли — стройка не начнётся.

— Но это же абсурд!

— Это Задрищенск, — сказала женщина. — Здесь так. Привыкайте.

Она снова взялась за вязание.

— А где я могу узнать про Кукина? — спросил Саня. — Про его историю?

— А вы сходите к Маньке-семафор, — посоветовала женщина. — Она на том берегу живёт. В доме-светофоре. Она всё про Кукина знает. И про ключ, может, что подскажет.

— Кто такая Манька-семафор?

— Увидите — поймёте, — загадочно сказала женщина. — Только осторожнее. Она женщина с характером. И с кочергой.

Саня вышел из администрации. Дядя Витя ждал его в машине, читая газету.

— Ну что? — спросил он. — Узнал что-нибудь?

— Узнал, — вздохнул Саня. — Что без ключа от холодильника я ничего не сделаю.

— А-а-а, — протянул дядя Витя. — Это ты про Кукинский сейф. Да, история. Говорят, там не только документы, но и полмиллиона наличкой лежат. Или не лежат. Может, враки.

— Какие полмиллиона?

— Ну, Кукин перед отъездом положил. На чёрный день. А ключ — у деда Митяя. А дед Митяй... — Дядя Витя задумался. — А дед Митяй, говорят, умер. Или не умер. Я уже забыл.

— Мне сказали, что дед Митяй иногда жив, иногда мертв

— Ну, тогда, может, и жив, — согласился дядя Витя. — Тогда ключ у него. А где он сам — не знаю. Может, в больнице. Может, у дочери. Может, на том свете. В общем, не ясно.

Саня закрыл лицо руками.

— Поехали обратно, — сказал он. — Мне нужно подумать.

— Думай, — кивнул дядя Витя, заводя машину. — Только не громко. А то у меня от мыслей голова болит.

Они вернулись в Задрищенск к вечеру. Агата встретила их на крыльце.

— Ну что? — спросила она.

— Твой Кукин — сумасшедший, — сказал Саня, вылезая из машины. — Холодильник-сейф, ключ у покойника, документы в рассоле. Как здесь вообще можно строить?

— А никак, — сказала Агата. — Поэтому здесь ничего и не строят. Дольше стоит.

Она ушла в дом, оставив Саню стоять во дворе с чувством полного идиотизма.

Гусь Коля вышел из-за угла, посмотрел на него, что-то прошипел и ушёл обратно.

— И ты туда же, — сказал ему вслед Саня.

Гусь не ответил.

Вечером они сидели на крыльце. Агата пила чай, Саня смотрел на звёзды.

— Сань, — сказала она.

— М?

— А зачем тебе этот посёлок? Ну, построишь ты его. И что?

— Заработаю деньги, — сказал Саня. — Вернусь в Москву. Буду строить дальше.

— А счастье?

— Что — счастье?

— Оно где будет? В Москве?

Саня задумался. В Москве у него была квартира, машина, работа. Но счастья не было. Или он его не замечал.

— Не знаю, — честно сказал он. — Может, здесь.

— Здесь счастье не покупается, — сказала Агата. — Здесь им живут.

Она допила чай и ушла в дом.

Саня остался один. На том берегу рыбаки пели песню. Где-то лаяла собака. Гусь Коля спал у забора, положив голову под крыло.

И Саня подумал: может, для того, чтобы найти счастье, не нужно строить небоскрёбы. Может, достаточно просто сидеть на крыльце, слушать песни рыбаков и ждать утра.

А утром будет новый день. И новые приключения.

И, может быть, новый ключ.

Глава 2. Тот самый мостик

После разговора с Агатой Саня чувствовал себя странно. С одной стороны, он приехал сюда с чётким планом: найти землю, оформить документы, начать стройку. С другой — всё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.